

УДК 821.113.6

Полина Лисовская

Санкт-Петербургский государственный университет

ЖИЗНЕННЫЕ СТРАТЕГИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛА В УСЛОВИЯХ ВОЙНЫ И ДИКТАТУРЫ В РОМАНАХ ЭЙВИНДА ЮНСОНА

Для цитирования: *Лисовская П. А. Жизненные стратегии интеллектуала в условиях войны и диктатуры в романах Эйвинда Юнсона // Скандинавская филология. 2022. Т. 20. Вып. 1. С. 111–126. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.108>*

В статье рассматривается идейная и художественная проблематика важнейших романов Эйвинда Юнсона (1900–1976), одного из выдающихся шведских писателей XX в. Уроженец Северной Швеции, он вышел из самых низов и начал карьеру как писатель-самоучка, типичный представитель шведской «рабочей литературы» — направления, которое сформировало внешнюю форму и содержание художественной прозы в Швеции в первой половине прошлого столетия. Формальное образование этого автора закончилось в четырнадцатилетнем возрасте, при этом ненасытная тяга к учебе, чтению, изучению иных языков и культур, а также обширный и непростой жизненный опыт постепенно сформировали одного из самых эрудированных и интеллектуально сложных шведских романистов прошлого столетия. В творчестве, начиная с 1940-х гг., писатель вышел далеко за рамки направления «рабочей литературы» и создал произведения, которые принесли ему международное признание, в том числе Нобелевскую премию по литературе 1974 г. Однако творчество этого писателя-гуманиста, последовательно высказывавшегося против тоталитарных режимов XX в., почти неизвестно в нашей стране, и это касается как переводов, так и исследовательских работ. В статье анализируются посвященные Швеции циклы романов об Улофе и Крилоне, а также созданные после Второй мировой войны романы «Прибой и берега», «Сны о розах и огне» и «Времена его милости», основанные на материале античной литературы и событий европейской истории. Объект исследования — персонажи-протагонисты в указанных произведениях. Предмет исследования — эволюция типов и образов интеллектуалов гуманистического склада в их столкновении с системами авторитарной власти, диктатурой и войной. Основное внимание уделено выбору подобными персонажами жиз-

ненной стратегии в указанных условиях в соотнесенности с собственной этической философской позицией Юнсона, а также эволюции изображения обстоятельств и результатов этого выбора на протяжении творческого пути писателя. Романы анализируются в хронологическом порядке. Стратегии, которые выбирают для себя главные герои — стокгольмский маклер Крилон, Одиссей, Юрбен Гренье или секретарь Шарлеманя Иоганнес Лупигис, — в какой-то момент становятся сопряжены с самопожертвованием ради идеалов свободы и мира, что ставит этих персонажей в один ряд с христоподобными фигурами в других произведениях мировой литературы.

Ключевые слова: Эйвинд Юнсон, рабочая литература в Швеции, исторический метароман, шведская литература, анархо-синдикализм, шведский модернизм, Вторая мировая война в литературе, Карл Великий, кардинал Ришелье, Уинстон Черчилль.

Идейная проблематика творчества выдающегося шведского писателя Эйвинда Юнсона (Eyvind Johnson, 1900–1976) неразрывно связана с историей XX в., отражая такие ее ключевые составляющие, как противостояние, с одной стороны, идей свободы и демократии, а с другой — имперского мышления в сочетании с диктаторскими утопиями, приведшими к мировым войнам, трагедии целых народов и возникновению новых барьеров, связанных с противостоянием идеологических систем. Послевоенное творчество этого автора, принесшее ему международное признание и высшие литературные награды, посвящено не находившейся на периферии маленькой Швеции и локальным событиям ее развития, но исследованию широкого контекста истории Европы с античности до первой половины прошлого столетия. В романе «Прибой и берега» (1946) переработана «Одиссея», в «Снах о розах и огне» (1949) речь идет о Франции в эпоху Ришелье, в «Временах его милости» (1960) автор обращается к эпохе франкского завоевания Лангобардии. Несмотря на вышеуказанную вовлеченность автора в осмысление исторического процесса в контексте противостояния идей свободы и авторитаризма, а возможно, и вследствие этого факта, в советских и российских исследованиях литературы наследие Э. Юнсона, нобелевского лауреата 1974 г., практически не изучено. В связи с этим актуален анализ ряда аспектов данной проблематики в ряде лучших его романов разных десятилетий.

Уйдя из жизни в разгар холодной войны, Э. Юнсон не услышал финальных аккордов трагической истории прошлого столетия, не дожидаясь и до падения железного занавеса, однако смог осмыслить

и оставить в романах свое видение мирового исторического процесса и места в нем отдельного человека. В этом авторском осмыслении, как представляется, ключевое значение имеет выбор жизненного пути и поступков, перед которым встает «интеллектуал», то есть творческий социальный субъект, постоянно включенный в процесс абстрагирования по поводу истины и морали. Достаточно очевидно, что эти размышления в целом совпадают с собственной моральной и идеологической рефлексией писателя, которую он раз за разом переносит в художественные тексты.

Уже в раннем, довоенном, творчестве, когда автор в середине 1930-х гг. обратился к традиционному для шведских пролетарских писателей-самоучек жанру развернутой автобиографии, герой его тетралогии «Роман об Улофе» (1934–1937) изображен как человек, «предельно четко осознающий», если использовать русскую культурологическую терминологию, свою роль как роль интеллигента в народной среде. В первом романе цикла четырнадцатилетний подросток в тяжелейших условиях трудится на лесосплаве бок о бок с грубыми, темными и несчастными простыми рабочими, осознавая при этом, что отличается от них и что его путь иной: «Он знал, что его жизнь не будет такой, как у них, — в этом он был уверен точно. Он брел с ними в барак, замертво падал на койку, спал, ел, снова выходил с ними на работу. Но его жизнь не будет такой, как у них» [Johnson, 1973, s. 53]. Во втором романе показано, как Улоф жадно стремится к знаниям, любую свободную минуту использует, чтобы читать с трудом добытые книги, и самостоятельно учит иностранные языки. Эта постконструкция уже добившимся читательского успеха автором мыслей мальчика, являющегося альтер эго писателя, не демонстрирует какого-либо высокомерия героя в отношении товарищей по несчастью. Находясь в столь же бедственном положении жестоко эксплуатируемой дешевой рабочей силы, как и другие работники на лесосплаве, Улоф всем им сочувствует, но сам при этом четко выделяется на их фоне: «Он часто ощущал его: их страх в отношении него, страх, что он посвятит себя чему-то, чего у них самих уже не хватало сил достичь» [Johnson, 1969, s. 75].

Приведенная выше цитата взята из романа «Это был 1914 год» (1933), однако указание в названии первой книги цикла об Улофе года начала Первой мировой войны намеренно вводит читателя

в заблуждение, так как во всех романах тетралогии подчеркивается, что события на континенте не затрагивают ни судьбу героя, ни Швецию в целом. Один из примеров, подтверждающих это, — реплика, брошенная Улофом в разговоре на не связанную с войной тему: «...А война, война-то все идет», — произнес Улоф» [Johnson, 1972, s. 97]. При этом очевидно, что авторская позиция вовсе не заключается в одобрении равнодушия к историческим потрясениям. Скорее, это начало дискуссии о нейтралитете Швеции и о необходимости для интеллектуала рано или поздно выбрать сторону: свободы и добра или диктатуры и войны как прямого следствия последней. Для Юнсона необходимость этого выбора окрашена тем, что еще в юности он воспринял учение Петра Кропоткина о «безгосударственном» общественном строе как вольном федеративном союзе самоуправляющихся единиц и примкнул к кругам анархо-синдикалистов, отрицавших любое государственное насилие. Следовательно, участие в военном насилии, даже направленном на освобождение от тирании, не было с точки зрения писателя самоочевидным выбором для интеллектуала и гуманиста.

Во многом именно о трудности этого выбора идет речь в монументальной трилогии о Крилоне (1941–1943), написанной Юнсоном непосредственно в годы Второй мировой войны, в которой его родина также не принимала участия. Цикл о стокгольмском маклере Крилоне представляет собой масштабную панораму Швеции в годы, когда окружающие ее страны воевали или были оккупированы. Действие трилогии начинается зимой 1941 г. и заканчивается на Мидсоммар 1943 г., когда многое в исходе войны уже предрешено, но она еще далека от завершения. Внешний сюжет сводится к тому, что клуб единомышленников из буржуазной среды, организованный в начале 1930-х гг. жителем шведской столицы, мужчиной средних лет по имени Юханнес Крилон, подвергается атакам со стороны конкурирующих фирм, возглавляемых маклерами Г. Стапом и Т. Йекау (по-шведски произносится как «Ге Стап» и «Чекау»). В этих именах легко считывается намек на нацистскую Германию и сталинский СССР. На своих встречах члены кружка Крилона обсуждают вопросы философии, искусства, морали, и, в частности, на той встрече, которой открывается первая часть романа «Группа Крилона», в качестве темы для дискуссии они выбрали вопрос о значении трагедии. Крилон, очевидно на-

мекая на Гитлера, говорит о том, что, с одной стороны, осознание людьми собственных несчастий может превращать их в диктаторов, с другой стороны, из трагических переживаний людей может рождаться хорошее, в том числе искусство [Johnson, 1998a, s. 51].

Сначала врагам Крилона Г. Стапу и Йекау удается осуществить свой замысел, кружок распадается, шестеро его участников обвиняют Крилона в предвзятости и несоблюдении нейтралитета. Но затем постепенно ценой самопожертвования протагонист смог вновь объединить свою группу и убедить друзей в необходимости противодействовать Стапу, который к тому моменту уже вступил в конфликт с Йекау (это намек на нарушение Гитлером пакта о ненападении на СССР). Как мы видим, помимо реалистического плана, в трилогии присутствует явная аллегория расклада сил во время Второй мировой войны, где Крилон — аллегорический образ У. Черчилля, ставшего лидером свободного мира в эти тяжелые годы. Но, как совершенно справедливо указывает в своем анализе Гэвин Ортон, «роль Крилона как воплощения Черчилля — лишь одна из сторон его многогранной личности. <...> Библейские параллели в романе столь же искусны, как и политические» [Orton, 1974, s. 80–81]. Действительно, очень многое в этой истории указывает на то, что Крилон — христоподобная фигура. Члены кружка, каждый со своими слабостями, включающими и способность к предательству, напоминают апостолов. Ряд эпизодов совпадают с хронологией событий евангельской истории, например, эпизод изгнания Крилона из дискуссионного клуба происходит в день Пасхи. Сам автор прямо в тексте романа открыто называет свою эпопею Евангелием, при этом скорее не в религиозном, а в гуманистическом смысле. В заключительных главах третьей части появляется прямая речь от автора: «Благая весть этой книги, — пишет Юнсон, — или, используя менее торжественное, но все же более действенное слово, ее задача, состоит в том, чтобы по возможности прояснить следующее: Человек — возвышенное, но при этом и слабое существо; но единственный человек, которого мы знаем, — это человек на Земле» [Johnson, 1998c, s. 486]. Таким образом, Крилон как Черчилль олицетворяет военно-политическую борьбу, а как Христос — борьбу добра со злом. Крилону, как и воплощенному в человеке Богу, свойственно человеческое: он может быть подвержен слабости, страху и сомнениям. Недаром в самом

начале «Группы Крилона» — первого романа цикла — десяток страниц отпущен на описание внешности Крилона, в том числе его носа, и говорится о том, что главный герой полноват и невысок ростом и в целом в его облике нет ничего героического. Действительно, своим видом Крилон очень напоминает британского премьер-министра с фотографий военного времени. Как и Черчилль, который должен был принимать решение об объявлении войны Гитлеру, Крилон, как гуманист, встает перед необходимостью начать борьбу со Стапом, олицетворяющим всю мерзость и лицемерие фашистской диктатуры. Как приличный человек либеральных взглядов, оказавшийся один на один с очевидным злом, герой встал перед выбором: залечь на дно или сопротивляться. Для него этот выбор вполне очевиден, однако не совсем очевидны методы, которыми он может и должен действовать. Здесь необходимо вспомнить о том, что Юнсон еще в совсем юные годы был увлечен не только анархо-коммунистическим учением Кропоткина, отрицающим государственное насилие, но в первую очередь анархо-синдикализмом, важным элементом которого является антимилитаристская пропаганда. К 1940 г. он уже отошел от увлечения левыми идеями, как и от участия в политических организациях, но насилие по-прежнему не представляется ему приемлемым средством борьбы со злом. Тем не менее его протагонист должен сделать некий важный шаг в сторону от нейтралитета, как личного, так и национального, поэтому Крилон нелегально переходит границу и попадает в оккупированную нацистами Норвегию. Это сопряженное с множеством опасностей «сошествие во ад» — ключевой эпизод второго романа трилогии «Путешествие Крилона». Согласно Евангелию, Христос на второй день после распятия спустился в ад, принес туда свою проповедь и освободил из него души ветхозаветных праведников (Деян. 2:30–31; Мф. 12:40). Нет сомнений, что норвежский квест Крилона представляет собой прямую аллюзию на данный библейский сюжет. Суровые и простые, как ранние христиане со старинных икон, борцы норвежского Сопротивления, томящиеся в аду гитлеровской оккупации, — давние знакомые Крилона. При этом задача, которую он перед собой ставит, состоит не в том, чтобы помочь им военной силой (он, например, не участвует в транспортировке оружия, лишь с риском для жизни помогает перевозить медикаменты), а в том, чтобы собрать

свидетельства о преступлениях нацистов и сообщить правду о них миру, а также поддержать норвежских праведников морально. По Юнсону, важнейшая задача для интеллектуала и гуманиста, живущего на войне или при диктатуре, — это сбор свидетельств, сохранение памяти о жертвах, порой бесстрастная фиксация фактов, то есть такой индивид отвечает за то, чтобы, противостоя пропаганде и трусости власть предержащих, доносить правду до людей. В первые годы войны шведская пресса и некоторые высокопоставленные политики старались не рассказывать о преступлениях нацистов: «Свободное слово в Швеции по причинам, которые трудно объяснить, получало угрозы в свой адрес...» [Johnson, 1998b, s. 375]. Свою просветительскую миссию Крилон выполняет в полной мере: он встречается с десятью выжившими после пыток в гестапо норвежцами, выслушивает их намеренно бесстрашно изложенные рассказы о том, что случилось с ними самими или с их товарищами, после чего с пафосом благодарит этих людей за их скорбную повесть и произносит: «И я обещаю вам, что передам поведенное вами всеми доступными способами. <...> Если рассказывать такое будет запрещено, я все равно это сделаю» [Johnson, 1998b, s. 316].

Несмотря на множество трагических событий в сюжете, трилогия о Крилоне — удивительно оптимистичное произведение, автор которого не сомневается в грядущей победе свободы и добра над диктатурой и злом. Следующие строки из романа опубликованы за полтора года до конца войны: «Ночь была долгой для меня, как и для многих, и мы все еще ждем, когда я пишу эти строки сентябрьским вечером 1943 года, на рассвете. Мы видим, как он наступает» [Johnson, 1998c, s. 486]. Уникальность данного произведения, на наш взгляд, заключается в сочетании полноты философского осмысления исторических событий с многослойной субъективностью и глубиной построения образа главного героя в его соотнесенности с этими событиями и с собственной позицией автора как художника и гуманиста. Гэвин Ортон в своем подробном разборе нарративной техники Юнсона в цикле о Крилоне указывает на то, что сам автор в одном из интервью определил свой метод как «полуреалистический» [Orton, 1974, s. 84]. С художественной точки зрения романы о Крилоне представляют собой мастерское переплетение аллегории и действительности, синтез модернистского

нарратива, насыщенного потоком сознания, видениями, пародией на традиционные жанры, иронией и самоиронией, и приемов психологического реализма.

Исследователи высказывали мнение о том, что романы Юнсона, в особенности послевоенные, в шведской литературе являются своеобразным «мостом» между модернизмом и постмодернистским письмом последних десятилетий. В частности, Бу Г. Янссон отметил, что «...Юнсон писал историографические метароманы и, подобно сегодняшним постмодернистам, полностью отвергал преобладающий миметический нарратив реализма, модерна и модернизма и идеалы непредвзятого автора вне текста». [Jansson, 2001, s. 118–119]. Для нашего анализа имеет значение тот факт, что Юнсон, перейдя к следующему этапу своего творчества, уже преодолев автобиографическую («Роман об Улофе») и субъективистско-хроникальную фазу своего письма («Трилогия о Крилоне») и обратившись к героям и эпохам, на первый взгляд, далеким как от его личной биографии, так и от современности, продолжил поиски ответов на вопрос о том, что делать приличному человеку, интеллектуалу и гуманисту, если он живет под гнетом диктатуры или оказывается там, где идет война. Представляется, что это его личный поиск и эти вопросы он в первую очередь задает самому себе, то есть не может идти речи об отстраненном авторе за рамками текста. Тем самым его послевоенные романы об иных эпохах и странах («Прибой и берега», «Сны о розах и огне», «Времена его милости») органично встраиваются в общую линейку этико-философских размышлений писателя и представляют собой нарратив о самом рассказчике, мучительно ищущем верных ответов, что, конечно, отличает Юнсона и его героев от не доверяющих любой универсальной правде постмодернистов. При этом, подобно распадающимся на множество «я» героям многих постмодернистских нарративов, протагонист Юнсона самого себя цельной личностью может и не ощущать. Бу Г. Янссон ссылается на высказывание Юнсона на близкую тему, сделанное писателем еще в 1926 г.: «Сейчас обнаружилось, что у одного человека может быть много лиц и что его “душа” есть конгломерат из тысячи и тысячи состояний. Сегодняшний ты — завтра уже другой человек...» [Jansson, 2001, s. 100] Мы помним, как расщепляется образ Крилона, являя собой наложение разных аллегорий и изобразительных техник, в том

числе временами сливаясь с образом и голосом автора в тексте, как в приведенной выше цитате о сентябрьском вечере 1943 года. Крилон при этом, как протагонист, — фигура однозначно положительная, не совершившая ни насилия, ни предательства в отношении ближнего, чего не скажешь об Одиссее в следующем романе писателя «Прибой и берега».

Одиссей у Юнсона — отнюдь не гомеровский образ хитроумного и удачливого воина, а скорее портрет солдата, страдающего посттравматическим синдромом, и одновременно интеллектуала, которому пришлось принять участие в том, что ему несвойственно. Подзаголовок «Прибой и берегов» — «Роман о нынешних днях» — говорит сам за себя, так как это произведение, созданное через год после окончания Второй мировой войны, актуализирует едва завершившиеся драматические события истории XX в., при этом указывая на то, что, к сожалению, наступивший мир не так прочен и насилие еще вполне возможно в будущем. Мучительная рефлексия Одиссея по поводу убийства троянского наследника Астианакса, совершенного по его наущению, не дает ему почувствовать радости ни от победы ахейцев, ни от возможности вернуться домой. Все усугубляется тем, что он знает, что ему снова придется убивать уже на Итаке. В отличие от героев античного эпоса он живет так, словно прошлое постоянно присутствует в настоящем то по его собственной воле, то в виде свободно всплывающих ассоциаций. По словам Стаффана Бьёрка, Одиссей Юнсона «живет по Бергсону, Фрейду и Прусту» [Björck, 1968, s. 213]. Мечь, сопряженная с убийством женихов Пенелопы, не добровольный, а вынужденный выбор героя, он полностью осознает, что насилие в итоге породит новое насилие. Когда расправа над женихами уже свершилась, мы слышим внутренний монолог протагониста: «Это делаю не я... Ко мне явился Вестник, Гермес, и по дороге сюда я потерял самого себя. <...> Во мне угнездился Арес... Я работаю на него, я открыл филиал его фирмы. Но меня самого здесь нет». [Юнсон, 1995, с. 540]. В итоге «...Одиссей принимает на себя бремя ответственности за будущее, без надежды когда-либо его увидеть» [Мацевич, 2013, с. 168]. При этом, в отличие от Крилона, также взявшего ответственность на себя, Одиссей у Юнсона, так же как и возглавивший борьбу свободного мира реально существовавший политик и частичный прототип Крилона Уинстон

Черчилль, вынужден прибегать к насилию, которого невозможно избежать на войне. Итак, сконструированный Юнсоном в облике древнегреческого героя тип европейского интеллектуала середины XX в. стоит перед гораздо более трудным выбором, чем его коллега Крилон в годы войны: необходимо не просто выбрать сторону добра и свободы, а оставаться на ней таким образом, чтобы можно было избежать насилия, однако реальность такой возможности не предлагает, Одиссей бессилён что-то изменить.

В следующем романе, представляющем собой историографический метанарратив, Юнсон обращается к герою, которого в полной мере можно назвать диссидентом в авторитарной среде. В «Мечтах о розах и огне» реальный исторический персонаж, священник Юрбен Греньё в небольшом французском городке Лудене, нашёл себе сильных врагов среди духовенства, причём в их числе и сам могущественный кардинал Ришельё, который, однако, появляется в романе лишь бегло, управляя своими соглядатаями издали [Johnson, 1990]. Существенно, что по типу личности Греньё отличается от предыдущих рефлексирующих протагонистов у Юнсона: он не только независим и умен, но ещё и горд, довольно властолюбив и ведом страстями, что в итоге его и губит. Герой дал волю чувствам и нарушил целибат, решив открыто заключить «свободный» союз с любимой женщиной. Враги, дождавшись удобного момента, обвинили Греньё в колдовстве и стали принуждать его пойти на компромисс и отречься от своих убеждений, но священник предпочёл костер. Помимо более страстного характера героя, обостряется и ситуация, в которую помещён рефлексирующий интеллигент в этом романе. Теперь автор рисует модель прямого давления со стороны власти и непосредственной опасности для жизни того, кто ей сопротивляется. Без сомнений, ситуация «охоты на ведьм» в Европе XVII в. по замыслу автора должна вызвать у читателя параллели с преследованием инакомыслящих в диктатурах века двадцатого. Кроме того, автор углубил повествование, воспользовавшись приемом описания происходящего глазами человека менее умного, более наивного и слабого. В текст романа введены дневниковые записи Даниэля Друэна — вымышленного персонажа, который, сочувствуя Греньё, в последний момент от него отступился, сам не будучи ни героем, ни человеком, способным на жертву ради идеалов правды и свободы. Таким образом,

в этом романе мы видим две вариации фигуры интеллектуала в условиях диктатуры: с одной стороны, перед нами тип несгибаемого героического диссидента, способного на жертву, при этом местами эгоистичного и чересчур властного (Гренье), и с другой — более заурядный и робкий типаж человека либеральных взглядов, интеллигента или внутреннего эмигранта, вынужденного приспособиться к режиму, чтобы спастись (Друэн). Но именно он, более слабый, частично ведет хронику скорбного пути Гренье. Оба персонажа были поставлены в ситуацию критического выбора, в которой один проявил фатальную для себя храбрость, а второй предпочел самосохранение. Интерес к ситуации, в которую попал Гренье, перекликающейся с судьбами Галилея и Джордано Бруно, не оставит Юнсона до последних лет жизни. В самом начале 1970-х гг. он работал над романом, где главным героем стал Томас Мор. Посаженный Генрихом VIII в Тауэр, Мор и под угрозой смерти не откажется от своих принципов, предпочтя эшафот [Dembo, Johnson, 1971, p. 303].

Следующий после «Мечтаний о розах и огне» крайне успешный роман Юнсона рассказывает о том крохотном поле выбора, которое остается у приличного человека в условиях жесточайшей диктатуры и оккупации родины могущественной империей, а также о последствиях этого выбора. В ставшем главным международным успехом писателя романе «Времена его милости» Юнсон продолжает исследовать «возможности человека в историческом процессе» [Мацевич, 2013, с. 168]. В качестве пространства диктатуры на этот раз изображена эпоха франкского завоевания, когда в конце VIII в. империя Карла Великого подчиняет себе земли лангобардов. По замыслу Юнсона, изображаемый им режим Шарлеманя несет в себе все черты, присущие диктатурам XX в., включая всеисилие спецслужб, поощрение доноительства, иезуитские методы борьбы с инакомыслящими и угнетение малых наций, а также, конечно, необходимость выявлять внутреннего врага, несмотря на внешние военные успехи. Писатель, очевидно, сознательно пародирует дискурс советских газет, писавших о многочисленных затаившихся «врагах народа»: «У Его милости короля, ныне императора, было... много врагов. Не только в войнах; этих военных противников побеждали во время славных военных походов. Но у Его милости были враги поближе, враги, что, подобно скорпио-

нам и ядовитым змеям, таились у него под ногами, выжидая в темноте удобного случая, чтобы ужалить» [Johnson, 1963, s. 272]. Далее говорится о том, что таких коварных существ было на удивление много среди родни императора, и так же иронично сообщается о том, сколь милостиво тот поступал с предателями: в частности, бастарда Пиппина даже не стали ослеплять, лишь заточили в монастыре. Когда в уже процитированном интервью автору задали вопрос, неужели Карл Великий не сделал ничего хорошего, он ответил так: «Шарлемань сделал много того, что можно назвать хорошим. У него была своя академия; он стремился к просвещению; но был вынужден действовать, сообразуясь с потребностями политической власти, и это означало приносить в жертву других людей» [Dembo, Johnson, 1971, p. 301]. Главному герою романа об эпохе Карла Великого Юнсон дает то же христианское имя, что было у Юханнеса Крилона. Иоганнес — младший из трех братьев в лангобардской семье Лупигис и, как положено в народной сказке, самый сообразительный из трех. Изначально между ними царит также вполне фольклорное соперничество из-за девушки и наследства, и с самого начала рассказа о семье, которую завертел вихрь франкского завоевания, Иоганнесу отводится ключевое место. Сюжет романа основан на реальном историческом событии, когда лангобарды в 775 г. предприняли последнюю, изначально обреченную попытку восстать против завоевателей. В восстании приняли участие отец и дядя Иоганнеса, а также он сам и его старшие братья. В результате поражения происходит и личная драма юноши — он теряет свою невесту Ангилу, которую силой увозит с собой франкский наместник. Сам он вынужден бежать, поначалу решив продолжить сопротивляться; он клянется мстить, приблизившись к королю, чтобы его убить. Далее на протяжении всего романа мы следим за судьбой Иоганнеса, в частности узнаем, что его, эрудированного и образованного, действительно берут секретарем на королевскую службу. В какой-то момент он подпадает под обаяние власти Шарлеманя, который при этом, как и Ришелье в «Мечтах о розах и огне», показан лишь вскользь, почти не произносит реплик, о нем мы узнаем в основном из лстивых свидетельств придворных [Johnson, 1963, s. 272, 332]. Следя за развитием главного героя, мы видим, что он не отошел от своих гуманистических идеалов, одновременно обретая трезвое отношение к про-

исходящему, и в какой-то момент осознал, что просто убийство короля не принесет его народу свободы и не восстановит справедливость в его личной судьбе. Этому отрезвлению способствуют и несколько лет, проведенных им в тюрьме по подозрению в измене. Описание того, как протагонист был схвачен в страшном замке, где он потом томится в заключении, и намеки на мучительные допросы, которым он подвергся, вкуче с попытками сломать его как человека напоминают свидетельства жертв гестапо в романе «Путешествие Крилона», а также вызывают у русского читателя непрямые ассоциации со свидетельствами жертв сталинских тюрем и лагерей. В итоге, выйдя на свободу, главный герой начинает понимать, что он скорее подорвет режим изнутри благодаря своим знаниям, труду, памяти, оставляя правдивые свидетельства о происшедшем: Иоганнес пишет историю Лангобардии. В этом он следует завету другого средневекового интеллектуала, своего наставника юности, монаха Ансельма, который еще в самом начале этой печальной повести, накануне восстания 775 г., иносказательно пытался донести до соотечественников, что их попытка будет тщетной, что лучше идти другим путем, создавая хронику преступлений завоевателей и таким образом сохраняя культуру предков. Иногда хроникерам при диктаторе приходится записывать правду между строк, и именно таким методом подчас действует Иоганнес, в финале своей карьеры назначенный уже главным летописцем короля. Выбор такой стратегии Иоганнесом оттеняет «неправильные», ведущие к гибели и бесславию пути двух его старших братьев, Кональда и Варнефрита. Первый, не слишком развитый духовно и интеллектуально, решил в итоге пойти на военную службу к франкам, но, как потенциально нелояльного, его отправили на дальние рубежи, где его полк попал в засаду варваров и был полностью уничтожен. Решивший посвятить себя хозяйству в надежде на то, что завоеватели его не тронут, второй брат в итоге попадает на годы в плен и совершенно деградирует в тюрьме, той самой, из которой его освобождают, чтобы на его место заложником посадить Иоганнеса.

Таким образом, Юнсон ясно показывает, что есть диктатуры, настолько подавляющие отдельного человека или народ, что ни военное, ни личное сопротивление, ни даже готовность выдающегося человека пожертвовать своей жизнью не принесут сколько-

то заметной пользы для свержения репрессивного режима. Самый большой ущерб диктатуре наносит фиксация правды о ней, сбор и сохранение исторической памяти. Следовательно, оптимальный способ сохранить человеческое достоинство и жизнь, а также принести пользу в подобной исторической ситуации — попробовать встроиться в элиту диктатуры в качестве «пятой колонны» и подрывать режим изнутри.

В «Временах Его милости» в качестве метафоры выживания как отдельных личностей, так и целых народов в условиях диктатуры и оккупации автор использует фразу «жизнь на осиновом листе». Эпиграф к роману о лангобардах звучит так: «На осиновом листе никто не может ощущать себя в безопасности. Тем не менее там живут букашки, которые не знают, что вся их страна — осиновый листок. Для них он — родина, родная страна в мире, мире осиновых листьев» [Johnson, 1963, s. 5]. При этом из данной формулы не совсем очевидно следует, чем должны заниматься «букашки», живущие на листе: упорно делать свое дело или просто смириться с собственным неведением об устройстве мира. Являются ли такие типажи, как Юрбен Гренье, Иоганнес Лупигис, теми из «букашек», у кого хватило смелости и эрудиции заглянуть за пределы этого листа и сообщить сородичам об увиденном? Вероятно, единственной однозначно успешной попыткой выйти за рамки конвенционального и добиться результата среди героев Юнсона (если не считать автобиографического персонажа Улофа) может быть лишь трудный путь Крилона: надежда на победу союзников во Второй мировой войне стала безусловным источником оптимизма для автора. Одиссей, Гренье и Иоганнес Лупигис терпят поражение от удушающей их власти, но одерживают безусловную моральную победу в широкой исторической и этической перспективе, и это сближает их путь с путем Христа на Голгофу.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Björck S. *Romanens formvärld: Studier i prosaberättarteknik*. 5 uppl. Stockholm: Natur och kultur, 1968. 332 s.
- Dembo L. S., Johnson E. An Interview with Eyvind Johnson. *Contemporary Literature*, 12 (3), 1971. P. 301–304. <https://doi.org/10.2307/1207840>
- Jansson B. G. *Världen i berättelsen: narratologi och berättarkonst i mediaåldern. Kultur och lärande. Series 5*. Falun: Högskolan i Dalarna, 2001. 172 s.

- Johnson E. *Drömmar om rosor och eld*. Stockholm: Bonniers, 1990. 392 s.
- Johnson E. *Grupp Krilon*. Stockholm: Bonniers, 1998a. 392 s.
- Johnson E. *Hans nådes tid*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1963. 387 s.
- Johnson E. *Här har du ditt liv!* Stockholm: Aldus/Bonniers, 1969. 149 s.
- Johnson E. *Krilon själv*. Stockholm: Bonniers, 1998c. 493 s.
- Johnson E. *Krillons resa*. Stockholm: Bonniers, 1998b. 394 s.
- Johnson E. *Nu var det 1914*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1973. 167 s.
- Johnson E. *The Surge of the Shores*. Moscow: Vagrius Publ., 1995. 542 p. (In Russian)
- Johnson E. *Slutspel i ungdomen*. Stockholm: Aldus/Bonniers, 1972. 276 s.
- Matsevich A. A. *Swedish literature from the 1880s to the end of the 20th century: Reference book*. Moscow: IWL RAS Publ., 2013. 312 p. (In Russian)
- Orton G. *Eyvind Johnson: en monografi*. Övers. G. Barklund. Malmö: Aldus, 1974. 175 s.

Статья поступила в редакцию 7 февраля 2022 г.,
рекомендована к печати 10 марта 2022 г.

Polina Lisovskaya

St Petersburg State University

**AN INTELLECTUAL'S LIFE STRATEGIES IN THE TIME OF WAR AND UNDER
DICTATORSHIP IN THE NOVELS BY EYVIND JOHNSON**

For citation: Lisovskaya P. A. An intellectual's life strategies in the time of war and under dictatorship in the novels by Eyvind Johnson. *Scandinavian Philology*, 2022, vol. 20, issue 1, pp. 111–126. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu21.2022.108> (In Russian)

The article examines conceptual and artistic issues of the most seminal novels written by Eyvind Johnson (1900–1976), one of the most renowned Swedish writers of the 20th century. Johnson, born in the north of Sweden, was of low origin, and he started his career as an amateur proletarian writer, a typical representative of the Swedish “proletarian literature,” a movement that was largely instrumental in shaping the form and substance of prose fiction in Sweden in the first half of the last century. His obligatory education ended at the age of fourteen, but his insatiable yearning for self-education, books, foreign languages, as well as his broad and hard-earned experience, gradually made him one of the most erudite and intellectually intricate Swedish novelists of the last century. From the 1940s on, the writer had gone far beyond the borders of “proletarian literature” and created works that won him international acclaim and the Nobel Prize for literature in 1974. Yet, the works of this humanitarian writer, who kept condemning totalitarian regimes of the 20th century, are practically unknown in our country, in translations of his novels and research papers. This article analyzes the cycles on Ulof and Krilon, which are devoted to Sweden, and written after the Second World War: the novels *The Surge of the Shores*, *Dreams of Roses and Fire*, and *The Days of His Grace* are based on subjects of the classical literature and the events of the European

history. The object of our study is protagonists in the above-mentioned works. The subject of the research is the evolution of the types and images of humanitarian intellectuals in their clashes with authoritarian power, dictatorship and war. The article focuses on characters who, when placed in such condition, have to make up their minds and choose a life strategy which would conform with Johnson's ethical and philosophical position, and on the evolution of describing circumstances and results of these choices throughout the whole life of the writer.

Keywords: Eyvind Johnson, proletarian literature in Sweden, historical meta-novel, Swedish literature, anarchic syndicalism, The Second World War, Charlemagne/ Charles the Great, Cardinal Richelieu, Winston Churchill.

Лисовская Полина Александровна

кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
E-mail: p.lisovskaya@spbu.ru

Polina Lisovskaya

PhD in Philology, Associate Professor,
St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation
E-mail: p.lisovskaya@spbu.ru

Received: February 7, 2022

Accepted: March 10, 2022